

«Симпатизирую военным.
Не за то, что воюют, а за то, что защищают»

ПЕСНИ О ГЛАВНОМ

№29 (1054) 21.04—24.04.2005 г.
НОВАЯ ГАЗЕТА

Есть женщины в русском роке. Их немного, конкурировать с многочисленными гуру мужского пола им нелегко, и все-таки они вовсю поют. Не о временной беременности и мусях-пусях, а о настоящей жизни, смерти и войне — внутренней и внешней. У группы «Ночные Снайперы» не со-

всем мирное название. Диана Арбенина, правда, от именного милитаризма отреклась, говорит, что снайпер для нее — не тот, кто стреляет, а тот, кто не позволяет себе промазать в жизни. Но люди в форме любят «Снайперов» не за название — за силу, жесткость и правду: вполне военные качества.

— Знаете ли вы о военном прошлом своей семьи?

— Бог миловал, у нас никто не погиб в Великую Отечественную войну. Так получилось, что у меня два отца, а значит, три бабушки и три дедушки. Дед со стороны мамы и дедушка и бабушка со стороны отчима были на фронте. Дед со стороны мамы, Анисим Иванович, был военным доктором, майором. Награжден двумя орденами Красного Знамени и орденом Отечественной войны II степени. Дед Василий Васильевич, его уже нет в живых, подполковник артиллерии в отставке, воевал с 39-го года и закончил войну в Берлине. Среди его наград — три ордена Отечественной войны II и I степени, два ордена Красной Звезды, медали «За взятие Варшавы», «За взятие Берлина», «За отвагу», «За боевые заслуги». Бабушка Ксения Яковлевна — она жива, слава богу, сражалась с 41-го по 46-й год в регулярной армии, была лейтенантом интендантской службы, среди ее наград — орден Красной Звезды, орден Отечественной войны II степени. Мама тоже закончила войну в Берлине, а мой отчим в связи с этим родился в Германии и до сих пор не выговаривает букву «р», потому что первый язык у него был немецкий. Мои старики выдержали все с большим достоинством и сохранили очень много жизнелюбия — эта война их не свалила.

— Когда вы в первый раз осознали, что такое война?

— С реальностью войны меня познакомил Афганистан.

Потому что оттуда не вернулся мой приятель. Не могу сказать, что друг, но очень хороший товарищ. Ему было всего 18 лет.

— Есть ли разница между восприятием войны мужчиной и женщиной?

— Конечно. Если женщина теряет на фронте мужа или детей и остается одна, то для нее это фиаско всей жизни. Мужчина в подобной ситуации становится глубоко несчастным, но жизнь для него продолжается. Женщина более обездолена.

— Насколько вам близка военная лирика прошлых лет? И почему сейчас нет таких песен?

— Мне кажется, это один из самых достойных пластов нашей песни. И «День Победы», которую отлично исполняет Лев Лещенко, и песня про синий платочек — это шедевры.

Войны, как это ни ужасно, провоцируют всплеск творческой активности и появление сильных, талантливых личностей, которые через пять дней в историю не уходят, а остаются в ней навсегда.

— Есть ли у вас песни, навеянные войной?

— Если говорить о стандартной войне с винтовкой в руках, а не о войне холодной, то припомнить таких песен у себя не могу. Могу сказать, что «Россия. 1937» — это абсолютно военная песня, но война в ней изнутри, в государстве. Я, безусловно, никогда не пыталась намеренно писать что-то социальное. Песня родилась исключительно потому, что этот год меня будоражит и не дает покоя. Меня очень инте-

ресует все, что связано с черными воронками, Сталиным. Мне кажется, что если бы я не жила в 2005 году, я жила бы тогда. А чтобы мне пришлось исполнять социальный заказ и вдруг начинать петь о взрыве школы в Беслане... Я никогда не смогу написать такую песню. И никогда делать этого не буду, даже если меня очень попросят, потому что если ей суждено родиться, то она родится. И я буду ответственна за то, что написала. Сегодня люди начинают писать о трагедии и моментально кувырятся в конъюнктуру. Очень много сегодня появилось таких песен, которые поют малолетки. Это просто кошмар! Это невозможно слушать. Хочется заткнуть уши и крикнуть: «Блин, ты лучше пой, как любишь девчонку с соседнего двора, ты, по крайней мере, будешь честен». Я к этому очень зло отношусь, потому

Диана АРБЕНИНА:

«В сближении попсы и власти виноваты рокеры»

Кувыррки в конъюнктуру

что песня — слишком тонкий материал, в ней нельзя врать.

Очень, кстати, просто отличить песню, которая на заказ написана, от той, которая от души.

— А песни Газманова?

— Газманов мне приятен как исполнитель, мне кажется, что он — неплохой человек, по крайней мере раздражения он у меня не вызывает. Несмотря на песню... как же она называется... что-то про СССР. Не знаю, зачем он это делает, но раз делает, значит, зачем-то это ему нужно. В любом случае эти песни очень далеки от моего мировоззрения.

— Как относитесь к тому, что правительство делает ставку на попсу? Не раздражает такое изобилие попсовых гигантов, многие из которых вдруг стали активными патриотами?

— Конечно, раздражает, слушать это невозможно. Но раздражает пассивно — у меня очень мало времени на то, чтобы смотреть телевизор. Понятно, что я не сижу и не смотрю эти концерты, просто переключаю канал. Мне кажется, что такое сближение попсы и власти спровоцировано не только

последней, но и самими рокерами. Наверное, рокеры что-то неправильно делали.

— Может, потому, что рокеры перестали протестовать?

— Я не совсем понимаю, против чего вообще протестовать. Если исключительно ради протеста как такового, то можно просто пойти и набить кому-нибудь морду. А уж войну не остановить баррикадами и митингами — это точно. Мне кажется, войну сейчас вообще не остановить. Все это можно решить только на высоком, президентском уровне. Но что касается самого народа, он ничего не сможет изменить, потому что не сможет сейчас собрать такую силу, которая может остановить войну. Это не печально, а даже катастрофично.

— Как вы относитесь к «антитеррористическим» фестивалям?

— Если какой-нибудь концерт, в который меня пригласят, сможет приостановить мировой терроризм, то я, безусловно, в нем буду участвовать. Но пока, устраивая концерты, мы боимся террористов, а не они нас.

Могу сказать, что на «Крыльях» мне абсолютно не было страшно, и я тогда о своей безопасности не думала, так же как все остальные музыканты. Я как раз выходила из своего спортивного клуба в районе четырех, мне позвонили, сказали, что взрывы, предложили не ехать, но я поехала. Нам хотелось избежать паники, новых смертей, поэтому мы ткнули время, как могли. И, к счастью, никто больше не пострадал.

Меня, кстати, в этом году опять на «Крылья» пригласили, так же как и в прошлом. Меня, мягко говоря, удивляет, почему этот фестиваль продолжается, да еще, насколько я знаю, на том же месте. В конце концов, если очень много энергии и очень хочется все-таки делать фестиваль, устройте его в другом месте, по-другому назовите. Потому что «Крылья» эти действительно кровавые, и тема эта должна быть закрыта, так же как с «Норд-Остом». Меня поражает, что спектакль продолжают играть. Как я понимаю, там такая позиция — нас не запугать. Но представляете, каково людям, которые приходят в зал и думают: вот здесь, и здесь, и здесь... Вот этого я понять не могу.

— Очень многие связывают ваше творчество с военной тематикой. И не только благодаря названию...

— В 1998—99 годах, когда мы стали популярны, нас действительно четко связывали с военной атрибутикой

— камуфляжи, винтовки. Это абсолютно не соответствовало тем песням, которые мы пели.

С другой стороны, мне нравится, что нас слушают военные. У нас сложились очень хорошие отношения с пограничниками, после того как я написала песню «На границе». Они ее восприняли буквально, ходили на концерты. А недавно на концерт во Владивостоке пришли матросы военного крейсера «Варяг», подарили мне огромную корзину цветов, вышел шикарный мичман, целовал мне руки. Пригласили на корабль, я пришла, они поблагодарили меня за песни. Один молодой парнишка попросил со мной сфотографироваться. Говорит: жена моя очень вас любит, она сейчас в Москве в театр пошла, а я пришлю ей эту фотографию, и она поймет, что я тут тоже делом занимаюсь.

Я очень симпатизирую военным, для меня это особая каста людей. Я вот, кстати, именно сейчас поняла, что меня так в военных привлекает: не то, что они воюют, а то, что защищают. Война — это в первую очередь защита, а не нападение.

— Тогда получается, что современные войны войнами называть нельзя...

— Действительно, к моим изначальным понятиям о войне война, которая происходит сейчас, не имеет никакого отношения.

«Сегодня люди начинают писать о трагедии и моментально кувырятся в конъюнктуру. Очень много сегодня появилось таких песен, которые поют малолетки»

146